Слёзы Турана -10: И мертвые сражались, как живые

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 24 января, 2025
Слёзы Турана -10: И мертвые сражались, как живые И МЕРТВЫЕ СРАЖАЛИСЬ, КАК ЖИВЫЕ

На берегу у самой воды развели два больших костра, воткнули в землю факелы, а в сторонке раскинули пышные бухарские ковры. Гости зашумели, переговариваясь и удобно устраиваясь возле костров.
Два плечистых пальвана разминались, размахивая руками и приседая. Огромные, сильные и медлительные с виду, в коротких штанах, туго затянутых белыми поясами, они все так же для разминки начали перебрасывать из рук в руки деревянные сучковатые чурбаки. Но вот борцы вышли на ковер. Долго ходили один около другого, пытая противника рывками, наклонами и другими подвохами, стараясь поудобнее обхватить соперника, столкнуть с ковра. Но сразу же было видно, что по силе пальваны равны. Зная зрителей, азартных болельщиков, они то и дело напрягали мышцы на спине, и на ногах и груди, стараясь вызвать похвалу и восхищение. Это была умелая игра мастеров своего дела.
Санджар, окруженный телохранителями, долго выбирал: на кого же вернее поставить?.. И когда длинные, жилистые руки хорезмийца тугим узлом захлестнулись на спине араба, султан поставил на него.
Но руки хорезмийца скользнули по мокрой спине соперника и разомкнулись. Араб рванулся и удачным рывком бедра отбросил противника на край ковра. И не успело пламя факела дрогнуть, как араб подсек левой ногой хорезмийца и приподнял его над землей…
Визири, ханы и беки взревели. Они кричали, давали советы, били кулаками о землю. Горячась, выхватывали из ножен оружие, размахивали им в воздухе. Ханские телохранители зорко следили

за одержимыми.
Рябое лицо повелителя замерло в предельном напряжении. Руки судорожно сдавили чётки. Санджар жег своими глазами хорезмийца, на которого он поставил судьбу нового похода. Но хорезмиец задыхался, стиснутый в железных объятиях борцэ.
Могучие волосатые руки араба, как два питона, сдавливали его сильнее. Задыхающийся хорезмиец уже коснулся коленом ковра, но араб, оскалив зубы, еще туже смыкал смертельный узел Хорезмиец из последних сил рванул шею, но араб держал его, как в тисках. Тогда Санджар привстал на колени, как бы стараясь помочь хорезмийцу. Он знал этот прием в борьбе: лишь титаническая сила могла помочь северянину вырваться из объятий араба. Но попавший в беду борец на глазах слабел. Скрученные, как жгуты сушеной дыни, мышцы на лопатках неудачника обмякли, глаза тускнели, ноги вздрагивали. Еще миг и бедняга коснется телом ковра. Санджар, как перед схваткой, стал заворачивать рукава халата. Каймаз стараясь предугадать желание султана, освободил меч из ножен.
— Ай-я! — вдруг закричал массажист хорезмийца с такой силой, что прилившая к лицу кровь, казалось, разорвет белки глаз.
Не все знали этот прием. Но Санджар помнил его. Так делали пленные кара-китайцы, стараясь резким, пронзительным криком хоть на минуту парализовать охрану,
У араба на мгновенье дрогнули руки, но голова хорезмийца тут же высвободилась из цепких объятий! Хорезмиец глубоко вздохнул и, разрывая кожу на волосатом теле соперника, с силой бросил араба на ковер.
— Йэ-э! — взревели гости. Залились флейты, гулко ударили барабаны, приветствуя победителя.
Санджар устало откинулся на шелковую подушку.
— Подойди, мой верный раб, — позвал он победителя Пальван устало подполз, целуя ковер у ног.
— Предрасположением звезд было начертано этой победой утвердить наши величайшие замыслы. Дайте ему халат. Пусть звезда наших будущих побед пирует с нами. Он уже подсказал, каким будет новый поход. Кто был твоим учителем, достойный пальван?

— Видит Аллах, что всем правилам и умением владеть телом на ковре я обязан мудрому и достойному мастеру, толкователю слов Анвару.
— Пусть этот астролог, сумевший через тебя предсказать будущее наших доблестных побед, займет свое место в главном отряде моих войск. Он будет вместо того джигита, которого выгнали из моей охраны после охоты на диких лошадей.
Сильное тело пальвана окаменело. Быстрым движением султан выхватил меч из рук Каймаза. Острая сталь описала дугу… На ковер упала окровавленная голова пальвана. Придворные замерли.
— А теперь ты подойди ко мне, — кивнул он массажи сту, так удачно схитрившему.
— Набейте ему… умный рот золотом. Он истинный победитель в этой схватке. — Про себя же султан подумал: «Значит, не сила, а ловкость и хитрость должны руководить моим войском в этом походе». Взглянув на безголового пальвана, он сказал — А этого глупца, уберите. Как он посмел присвоить чужие заслуги? — Султан легко поднялся, подошел к берегу реки и заговорил, низко опуская бритую голову: — Вижу новые города, вижу как боевые слоны позолоченными бивнями топчут моих врагов. Я пройду еще раз по земле, как славный Искандер-двурогий и сумею затмить своими победами все походы правоверных в Индию и Византию. Я заставлю вздрогнуть многие государства, — продолжал Санджар. — Мои скороходы направятся во все города Хорасана, возвещая о новых победах!.. Пойте, боевые трубы, звените удилами, кони!
И как дальнее эхо за плечами Султана раздался голос Каймаза:

Построились войска, гром барабанов
тогда раздался из обоих станов.
Не барабаны грянули, а дивы, —
к возмездию послышались призывы.

Заговорили трубы боевые,
чтоб мертвые сражались, как живые.
Мир из-за пыли и стальных мечей,
стал ярким дымом и огнем печей!..

Гости ожили. Зашумели шелковые и парчовые халаты, зазвенело оружие. Визирь, ревниво следивший за новым фаворитом, громко крикнул:
— Слава нашему султану!
— Слава! — как эхо отдалось с ковров.
— Слава!
Стараясь раньше визиря овладеть вниманием повелителя, Каймаз, кланяясь, отбежал от костра и вскочил в седло. Опережая остальных, окруженный легким отрядом телохранителей, он скрылся во тьме, умчавшись по дороге в Мерв.
Так начался новый поход.

* * *

Добравшись до своего шатра, Санджар повалился на подушки. Ныла грудь, болели ноги. Приказав натереть себя благовоньями, Султан послал начальника стражи за Аджап. Огладил свое тело, потянулся. В блаженном ожидании потушил большой светильник, оставив два маленьких у входа.
…Зейнаб порывисто отбросила полог и зябко поежилась, кутаясь в покрывало. Санджар порывисто поднялся ей навстречу. Обнял. Рука скользнула по плечу, коснулась груди…
И вдруг рябое лицо султана напряглось, глаза зажглись черным огнем. Санджар сорвал с плеч женщины халат и набросил на правую руку, сжимавшую кинжал.
— Зейнаб! — застонал султан. — Моя Зейнаб! Ты жива… Зейнаб!
Рука с ножом дрогнула и кормилица молча опустилась на подушку.
— Зейнаб! Красавица Зейнаб! Дай я посмотрю на твое лицо. Ты пришла. Зейнаб! Сколько улетело лет? Вах, как бегут годы. Поблекло лицо, мягкими стали руки. И даже
собственное желание стало выпадать из рук, — глядя на нож, добавил Санджар.
Дрогнувший голос ответил:
— Ты взял у нас всё. Ты не человек, ты — дьявол!
— Нет, я человек, только еще и султан! Моя Зейнаб, молодость моя, — султан стал шарить по ларцам, бросая к ногам женщины драгоценности. — Возьми, укрась себя. Нарядись!..

— Поздно…
— Знаю, Укрась! — Санджар стал сам надевать на женщину драгоценности.
— Поздно…
— Не говори. Подожди. Возьми золото и камни. Это всё твое, Зейнаб! Молодость моя… О, как ты прекрасна! Если бы ты могла забыть прошлое, Зейнаб. Ты знать должна, как я одинок. Одиночество сжигает мое сердце.
— Какое же у вас одиночество? Отряды воинов окружают владыку мира.
— Голодранцы, жаждующие наживы! А я одинок. Нет прежних друзей. Холодно! Сиротливо одинокому сердцу во дворце великого Мерва.
— Смеяться вздумал?
— Молчи, моя Зейнаб! Сама судьба подарила мне минуту радости. Подойди ко мне. Ах, если бы ты могла забыть обиду! Собраться бы всем вместе: ювелир Айтак, Абу-Муслим, ты — первая звезда неба… Пустить бы коня судьбы по тропе удач!
— Чтобы атабек Кумач подпустил змею клеветы? Э, солью рану не успокоить. Убийство ювелира Айтака и Муслима дело рук горбуна. Но час мести близок и карающая рука уже занесла свой меч над его головой!
— Нет, Зейнаб, Воин Ягмур не исполнит своего замысла. Он погибнет на стене Самарканда… во время боя. Слуги хозяина караван-сарая уже обмакнули наконечники стрел в горшки с ядовитым отваром.
— Почему же ты медлишь?
— Через него хотим узнать про других участников… О тебе я уже знал, но не хотел тревожить.
— Нет, — взмолилась Зейнаб. — Ты не допустишь этого!.. Умоляю. Во имя нашей молодости, пощади юношу, преданного тебе душой и телом!..
— Лепестки твоих губ стали источать яд. Говоришь, что он предан?.. Нет, я видел руку, рванувшуюся к мечу.
Мне хотелось лишь проверить донос. Приказав поэтессе придти в шатер, я натолкнулся на отравленную измену. О, горек будет их час! Ягмур связан с заговорщиком Чепни!

— Они преданы тебе. Именем названных здесь, пощади! Часто твоей рукой руководит тень других. Бойся Кумача и горбуна!..
— Истории нужны сильные, — как бы проверяя какое-то свое внутреннее решение, ответил султан. — Кто помнит горшечника, обжигавшего глину во времена Искандера-двурогого?
— О, нет! — всколыхнулась Зейнаб. — Величие не твой удел. Нет, повелитель, ты такой же, как и все! Смотри, — и Зейнаб распахнула на груди халат. И вдруг на белой узкой ладони заблестела бронзовая тарелочка. — Только ничтожный мог оскорбить так женщину. Будь же ты проклят, убийца! Пусть одиночество гложет твое сердце! Тени убитых и замученных толпами стоят по ночам у твоего изголовья! Пусть из твоих глаз капают кровавые слезы…
— Замолчи, прокаженная! Я знал, что никогда кровь рабыни не заглохнет в тебе. Власть дается только сильному. И если бы я не уничтожил своих соперников, то они уничтожили бы меня.
— Будь ты трижды проклят!
— Эй, кто там есть? Ко мне!.
Вбежали нукеры, вернувшийся из поездки Каймаз. Они заломили женщине руки.
— Заверните ее в ковер… и в воду!
Зейнаб забилась, рыдая. Каймаз хотел снять драгоценности, но Санджар предупредил.
— Не трогать. Она заслужила награды…

Продолжение следует >> Taryhy proza